

Глава 9. Снова о разделе имущества

К тому времени как староста Чжао Цзимин и личжэн Чжан Гуаншань в сопровождении запыхавшегося Чжао Чанфу добрались до двора, там уже собралась изрядная толпа. Все теснились у входа в кухню, откуда доносились надрывные рыдания старой госпожи У.

В том, что это был её голос, сомнений не возникало.

Чжао Цзимин и Чжан Гуаншань обменялись недоуменными взглядами. Им обоим не верилось, что эта волевая и острая на язык старуха способна так убиваться. Неужели их слух их обманывает?

— Да что же это делается?! — Чжао Чанфу, едва вбежав во двор и услышав плач матери, поспешил растолкать зевак. — Почему никто не помог матушке подняться?!

Он ворвался в кухню, отстранил в сторону оцепеневшего Чжао Чангуя и подхватил всё еще сидящую на полу и воющую в голос старуху. Разбитая голова матушки была в крови, что приводило мужчину в еще больший ужас. Кое-как подняв её, он повел пострадавшую к выходу.

— У-у-у... это всё тот мерзавец, это он меня побил, о-о-ох... — старая госпожа У, привыкшая десятилетиями помыкать всеми в этом доме, и представить не могла, что когда-нибудь потерпит такое поражение от рук жалкого гэ'эра.

Ощувив поддержку сына, она разбила лоб до крови, но всё равно рванулась обратно, желая вцепиться в лицо Цзи Юаня. Однако Чжао Чанфу крепко держал её и упрямо тянул во двор. Чжао Чангуй покорно плелся следом.

Женщины дома Чжао тут же обступили старосту и личжэна, наперебой выплескивая жалобы. Голос госпожи Ли звучал громче всех:

— Он вчера избил нас всех, а сегодня принялся за матушку! Отродясь не видывали гэ'эра более злого и бесчестного!

— Староста, вы только взгляните на нашего Чжао Чанцзиня! — госпожа Цянь потянула за собой Чжао Чанцзиня, выставляя его лицо напоказ. — Это всё Цзи Юань, этот мерзавец его так разукрасил. Шрам и опухоль на всю щеку, разве такое скроешь?

— А наш А-Гуй?! У него передний зуб выбит! — госпожа Чэнь подтолкнула к ним Чжао Чангуя, заставляя его открыть рот и продемонстрировать щербину.

Чжао Цзимин и его спутник посмотрели на красную, опухшую щеку Чжао Чанцзиня, затем на сломанный зуб Чжао Чангуя и, наконец, на заходящуюся в рыданиях старуху. Неужто всё это и впрямь дело рук одного единственного гэ'эра? В их глазах читалось крайнее недоверие.

В этот момент из кухни вышел Цзи Юань с сыновьями. Дачжуан и Эрчжуан шмыгали носами, их глаза были на мокром месте — мальчики выглядели так, будто претерпели величайшую несправедливость в своей жизни.

Отец и дети хранили молчание. На фоне истошно вопящих и жалующихся родственников их маленькая группа казалась островком тихого горя. Одного взгляда на эту картину хватило гостям, чтобы «ясно» понять, кто здесь на самом деле обидчик, а кто — жертва.

— Хватит! Посмотрите на себя, на что вы похожи?! — Чжао Цзимин, не веря, что смиренный юноша мог устроить такое побоище, в сердцах обрушился на семью Чжао. — Весь день в вашем доме крики да ругань. На всю деревню ославились! Вам самим не стыдно? Соседи уже за голову хватаются от вашего шума!

Он смерил семейство суровым взглядом:

— Цзи Юань — слабый гэ'эр, у него и сил-то в руках нет. Как он мог побить такую ораву? Когда врете, хоть меру знайте!

«Неужто мы похожи на глупцов, которых так легко провести?» — читалось в его яростном взоре. Цзи Юань едва сдерживал торжествующую ухмылку.

«Вот вам и расплата. Столько лет творили пакости, что теперь, когда вас и впрямь побили, никто и слова вашего в оправдание не примет!

Нужно всегда оставаться достойным человеком. Если однажды тебя побьют на дороге, тебе хотя бы помогут. А вот если ты злодей, то даже когда тебя действительно избьют, все вокруг будут твердить, что это ты напал на других. Вот она — истинная карма, и она прекрасна!»

— Староста, вы должны нам поверить! Мы не лжем! — госпожа Ли и госпожа Цянь зашлись в возмущенном танце, топая ногами. Раньше они всегда выходили сухими из воды, оговаривая других, и нынешняя ситуация была для них в новинку.

Но Чжао Цзимин и личжэн оставались непреклонны. Слова женщин для них ничего не значили.

— Наш дом не резиновый, мы не потерпим такого гэ'эра под своей крышей! Пусть убирается!
— Чжао Цюань ткнул пальцем в сторону Цзи Юаня, требуя изгнания.

Старая госпожа У, всхлипывая, подхватила:

— Пусть уходит! Пусть этот вестник беды забирает своих маленьких выродков и катится на все четыре стороны! Мы не станем их кормить... Я требую раздела имущества!

Чжао Цзимин издал короткий смешок и, склонив голову набок, серьезно спросил:

— Вчера вы клялись, что ни о каком разделе и слышать не желаете. Что же изменилось сегодня? Вы думаете, нам больше нечем заняться, кроме как бегать к вам по первому свистку? Мы вам что, мальчики на побегушках?

Личжэн и старейшины клана тоже смотрели на Чжао Цюаня и его жену с явным недоброжелательством. Если бы вопрос решили вчера, им не пришлось бы снова тратить время на этот поход.

— Я... я вчера не до конца всё обдумала! А сегодня поняла — пора делиться! — в душе госпожа У уже тысячу раз прокляла свою вчерашнюю упертость. Если бы она знала, сколько мучений ей принесет этот гэ'эр, она бы согласилась на раздел не раздумывая.

— Что ж, если вы твердо решили, — произнес Чжао Цзимин, — то всё должно быть сделано по обычаям нашей деревни.

— По обычаям? По каким еще обычаям? — старуха непонимающе моргнула. Разве недостаточно просто выставить их за порог?

— Зерно и земля. Разве их не положено делить по числу едоков? Цзи Юань — супруг вашего старшего сына, а дети — его кровь. Вы выделяете старшую ветвь в отдельное хозяйство, так неужели вы думали оставить их с пустыми руками? — прямо спросил мужчина.

Чжао Чанмин ушел на войну много лет назад, и вестей от него не было. В деревне почти никто не верил, что он вернется живым. Однако староста помнил, что его род с Чжао Цюанем еще не разошелся дальше пятого колена, и сам Чанмин когда-то называл его дядей. Более того, его собственный младший сын когда-то выжил лишь благодаря Чанмину. Теперь, когда судьба воина была неизвестна, Чжао Цзимин считал своим долгом помочь вдове и сиротам. Нельзя было допустить, чтобы их вышвырнули на улицу без гроша — они бы просто умерли с голоду.

— Что?! Мы еще должны отдавать им зерно и землю?! — голос старой госпожи У сорвался на визг. — Мы вырастили этого кобеля! Мы и так проявляем милость, не требуя с них платы за все годы! Того, кого он сам притащил в дом, пусть сам и кормит! Нам до них дела нет!

Короче говоря, она была готова на всё, лишь бы не отдавать ни зернышка. Старуха пошла на принцип даже перед лицом власти. Прежде чем Чжао Цзимин успел возразить, Цзи Юань вмешался:

— Раз так, то и не нужно. Не будем делиться. Нам и здесь, в общем-то, неплохо живется. Матушка и тетушки так о нас «заботятся». А за порогом у нас даже крыши над головой не будет, так что лучше останемся в семье. Простите, господин староста, что зря вас беспокоили.

«Так даже лучше. Если не уйдем, еда в доме всегда найдется — я в любой момент доберусь до запасов в шкафу или погребе. Мы точно не умрем с голоду, зато я превращу жизнь этой семейки в сущий ад. Не стоит спешить с уходом, я хочу и дальше мучить этих негодяев, погубивших прежнего владельца этого тела»

— Ну, раз вам и в этом доме хорошо, — Чжао Цзимин окинул юношу взглядом. Тот больше не выглядел забитым, на детях не было свежих ран, да и вся ситуация больше напоминала поражение госпожи У. — Живите пока так. В следующий раз по пустякам нас не зовите.

С этими словами он обернулся к личжэну:

— Пойдемте отсюда. Хватит с нас их домашних склок. И не вздумайте больше морочить нам голову сказками о разделе, иначе мы просто не придем.

Последняя фраза была брошена в лицо Чжао Цюаню и его жене.

— Эй, постойте! Не уходите! — госпожа У мертвой хваткой вцепилась в рукав старосты.

— Вы же сами не хотите делиться, зачем я вам? — Чжао Цзимин с силой высвободил руку.

— Хотим! Хотим! Мы всё поделим! — старуха закивала головой, словно курица, клюющая зерно.

Остальные домочадцы Чжао согласно закивали следом. Раздел имущества должен состояться сегодня! Любой ценой!

Чжао Цзимин перевел взгляд на главу семьи. Чжао Цюань долго молчал, обдумывая ситуацию, и наконец тяжело кивнул:

— Что ж... раз так, пусть раздел будет сегодня.

<http://bllate.org/book/15315/1354427>